

К Р О К О Д И Л

К 556 / 41r

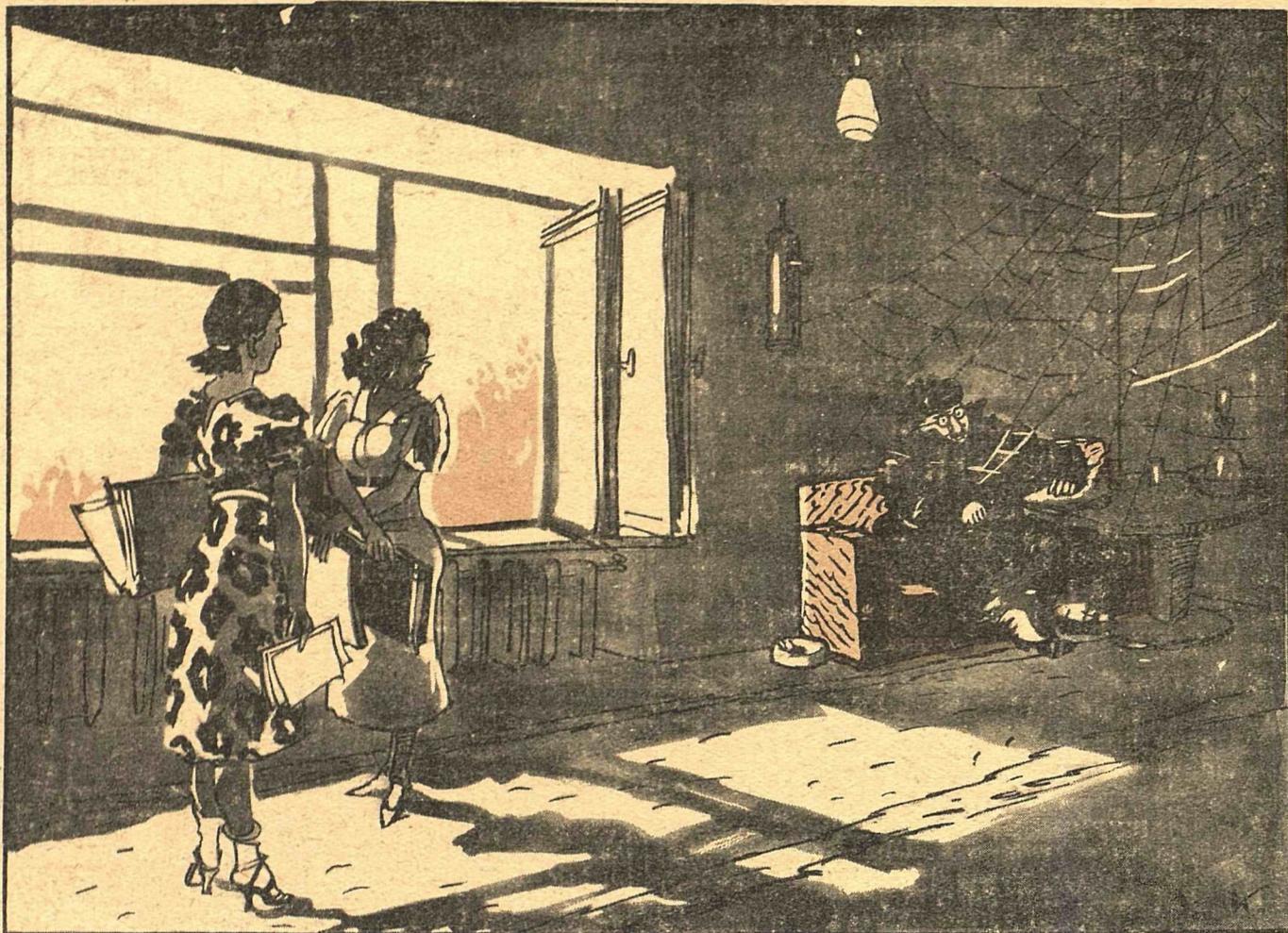
К.Р. 40.

ФАКТ НАЛИЦО

Рис. К. Рогова

ДЖОН БУЛЬ: — Из всей разменной монеты у меня осталась только нейтральная мелочь.

Рис. А. Каневского

— Кто это такой?
Командировочный. С зимы тут сидит.

Интересно и неинтересно

МЫ ОСТАЛИСЬ в комнате вдвоем: мало-знакомый мне праздничник Алеша, 12 лет от роду, и я. Так как молчать было неудобно, я спросил Алешу:

— Ну, а что у вас проходят в школе?

На этот вопрос, который, вероятно, Алеше очень приелся, он ответил неохотно, опустив глаза вниз:

— Разное проходим...

— Ну вот, например, по истории? — вяло продолжал я расспросы. — Петра I вы проходили?

— Ага.

— Ну, что ж ты знаешь про Петра I?

— Я-то? Конечно, знаю... А Меншиков ка-ак этих монахов к чортовой матери разгонит!.. А Петр на площади с народом пиву пил или газированную воду, я уж не помню... А она потом говорит царевичу: «Поедем в Москву!»

— Кто говорит? Какому царевичу?

— Ну, этому... длинному — как его? — Алексею. Она и говорит, которая с ним ездила всюду... Дунька ее, что ли, звали или Прасковья...

— Так это у вас в учебнике так написано? — уже с интересом спросил я.

— Зачем в учебнике? Это я в кино все видел.

— В кино?.. А я спрашиваю, что у вас в школе проходят?

— Ну, и в школе то же самое... Вот, например, Александр Невский. Ка-ак они пошли в психологическую атаку, а бояре ему говорят: «Давай кинемся!», — а он: «Нет, подождем!» А черныи мснах р-раз—ребенка, р-раз—

другого... Я с Мишкой тоже так играл, младший брат у меня. Только я не в костер его бросал, а на диван.

— Позволь, это опять про кино?

— Ну, да...

— А из истории вы что учите?

— Ну, и в истории... Вот еще Степан Разин. Он, конечно, поднял бунт, а Меншиков... то есть Лазунка... то есть это все равно: и Меншиков был Жаров и Лазунка был Жаров. Значит, он ему говорит: «Давай, атаман, ударим!» А Степан ка-ак поднял саблю, ка-ак начал, а бояре ка-ак прыгнули в воду... А он их ка-ак... А они ему ка-ак... А нижегородцы целую площадь занесли разных вещей, а Минин ка-ак ударит по полякам. А у них только крылья задрожали... А гетман ка-ак наденет чужую шапку... А Пожарский ка-ак...

— Постой, постой, что ж у тебя Разин вместе с Пожарским воевал?

— Зачем? Они в разных картинах.

— Ну, хорошо. А вот как насчет географии? Где находится Донбасс, знаешь?

— Знаю. Донбасс — это «Ночь в сентябре». Как они ее свяжут да ка-ак скажут, что она сумасшедшая, а чекист ка-ак надел халат и притворился доктором, а шахту они ка-ак хотели взорвать, а не вышло, потому что он за ним побежал да ка-ак выбьет у него из рук...

— Опять кино?

— Кино. А что?

— Да нет, ты расскажи мне что-нибудь, что ты из учебника знаешь. Какие моря омывают границы Советского Союза?

— Ну, разные моря. Одно — Черное, дру-

гое — посветлее... как его? Ну, Белое. А подводные лодки — они всюду. И миноносцы. Вот, например, миноносец «Отважный»: он ка-ак подошел к этой шпионской яхте... А они нашего лейтенанта арестовали... А миноносец ка-ак бабахнет по ихнему рулю... А он подводную лодку ка-ак пустит ко дну, а они думали, что она советская, а она неприятельская. Вот тебе и на!

— Ну, хорошо. Может, ты мне расскажешь, что по арифметике проходишь? Арифметика как будто с кино не связана?

— Не связана... верно.

— Ну, вот ты мне и расскажи: что такое есть пропорция и отношения?

— Я этого как раз не знаю.

— Разве не проходили?

— Нет, проходили — проходили, но, когда это проходили, я как раз пошел смотреть картину «Подкидыш». Девочка ушла на улицу, а машины мимо ездят, а ее не дают, а других дают. А мама уехала на дачу, а милиция ее уже ищет, а тут Старостин и Леута... Только они мяча не гоняют, а на машине гоняют, а девочка у них на руках... а...

— Постой, постой! Значит, выходит, и арифметика у тебя связана с кино?

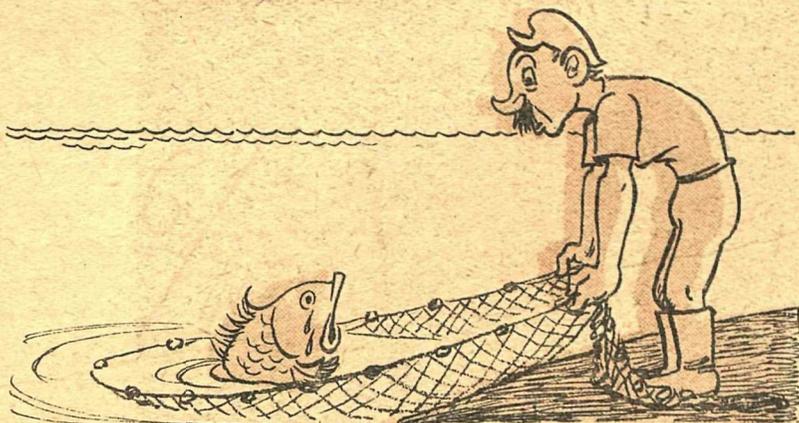
— Разве? — искренно удивился мой собеседник. — Это, наверное, потому, что в кино всегда интересно, а по арифметике учитель у нас объясняет неинтересно...

Тут вошли еще люди, и беседа наша прекратилась. Но мне кажется, что вывод моего собеседника насчет арифметики можно распространить и на другие предметы...

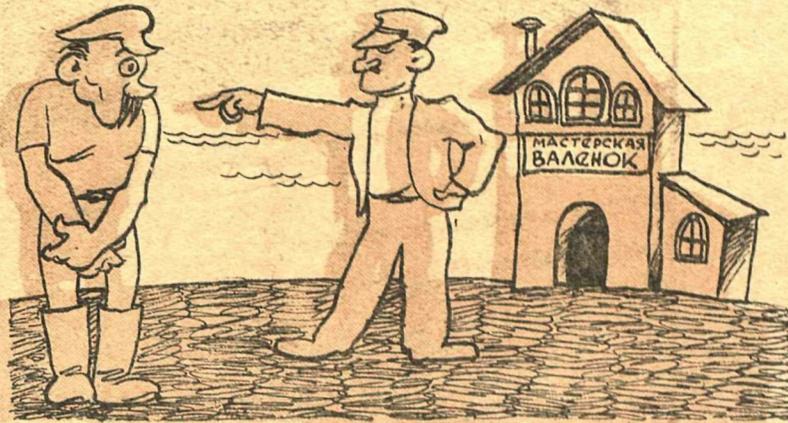
В. АРДОВ

СКАЗКА О РЫБАКЕ ИЗ ОДЕССКОГО
РЫБАККОЛХОЗСОЮЗА И РЫБКЕ

Рис. К. Елисеева

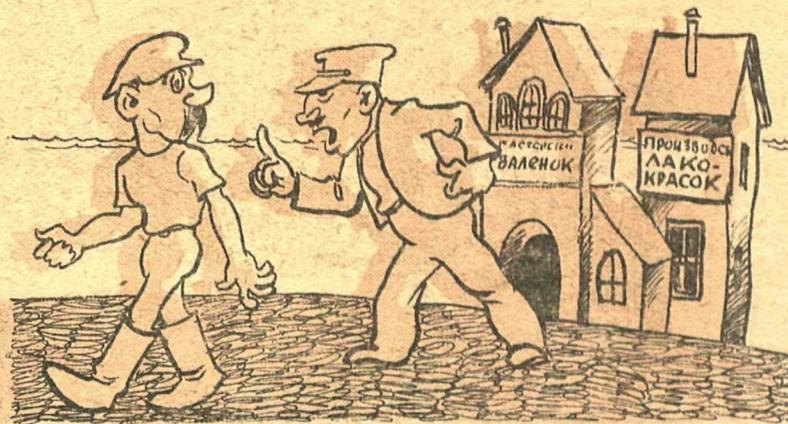
Пошел рыбак из рыбацкого колхоза «Красная рыбка» ловить рыбу. Поймал он рыбку не простую — золотую. Вдруг рыбка говорит человеческим голосом: «Отпусти меня, рыбак, а я вашему колхозу устрою мастерскую для изготовления валенок». Отпустил рыбак рыбку.

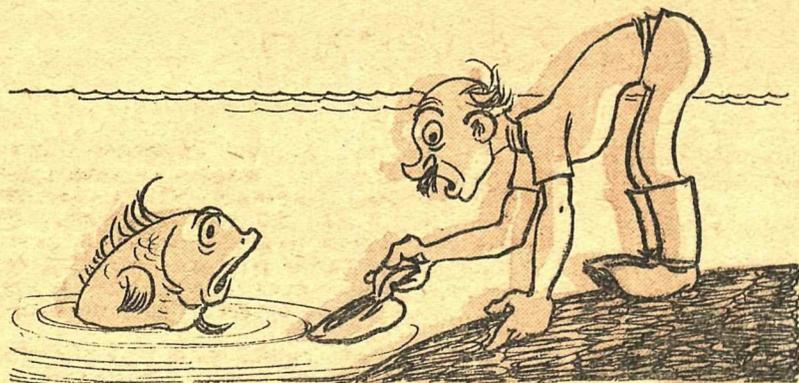
Вернулся рыбак, а председатель колхоза кричит ему: «Возвращайся обратно, требуй у рыбки еще мастерскую лакокрасок».

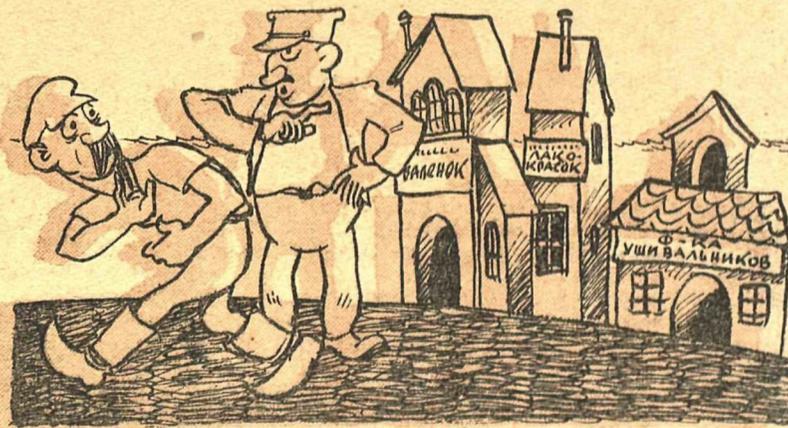
«...Будь по-твоему, — сказала рыбка, — иди домой спокойно, все будет сделано».

А председатель кричит еще хуже прежнего: «Хочу фабрику ушивальников» — и погнал рыбака обратно к рыбке.

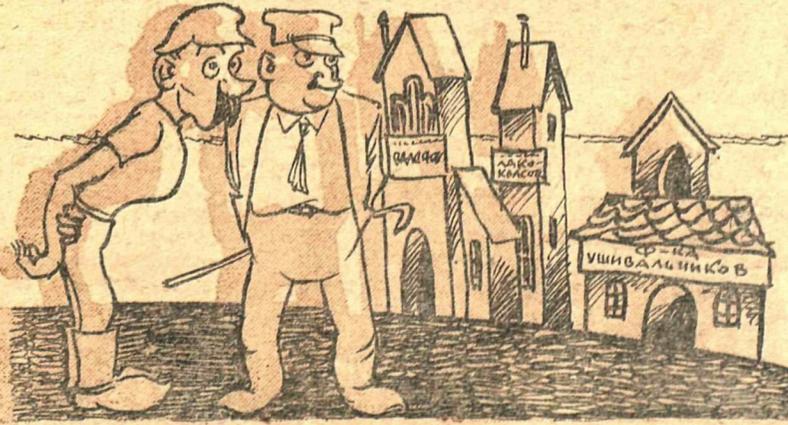
...И это выполнила рыбка, хотя видно было, что просьбы начинали надоедать ей.

Председатель же еще хуже разоряется: «Вот тебе список новых предприятий, иди к рыбке, скажи, что не хочу я называться председателем рыбацкой артели, а хочу я называться директором комбината».

Рассердилась рыбка: «Теперь тебе не же мне шумно обращаться, а к прокурору», — сказала она, зильнула хвостиком и была такова.

Вернулся рыбак ни с чем. «Не видать нам больше рыбки», — сказал он председателю. И с тех пор одесские рыбаки выискивают рыбку из Ростова, Астрахани и на других городов.

— Изобретение мое почти готово: осталось только придумать, как избавиться от соавторов.

Я не знаю, что это за мода?
Некто «он», допустим, идет «ее»...
Вот он вынимает из комода
Самое парадное белье.
Вот он надевает то и это.
То и это — крик последних мод,
А следы былого туалета
Прячет под матрац и под комод.
Он доволен собственным нарядом,
Он побрит, он чуть ли не завит.
Он мечта...
А в будни — сплошь да рядом —
У него совсем обратный вид.
Я таких вещей не одобряю.
И пускай внушают мне друзья,
Дескать, «плюнь ты... Наша хата с краю»,
Хата с краю — хата не моя!
Вот глядишь на свой же год рождения,
Он вдали, за детством... И порой
Вдруг придешь к такому убеждению,
Что твоя зима не за горой.
Оттого по прежней дешевизне
Я не разбавариваю дни.
Каждый день, полученный от жизни, —
Это новый праздник для меня!
Это новых замыслов основа!
Это все манящее — подряд!
Потому-то каждый день я снова
Надеваю лучший свой наряд!
И всерьез
И в шуточной беседе
Я желаю вам: в любом часу
Быть таким, чтоб думали соседи,
Что у вас свиданье на носу!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Грязь на

В ЭТОТ выходной день столичное солнце встало раньше всех и, не теряя времени, приступило к исполнению своих несложных обязанностей. На улицах много гуляющих, и все такие милые, симпатичные люди, в том числе и автор этих строк.

По прогулару идет семья: муж, жена и маленькая курносая дочка. Девочка в тонких косичках, отяжеленных громадными бантами. Ей весело: она, прыгая, забежала вперед, оставив родителей далеко позади.

Глава семьи шествует в спокойствии чинном. Это один из тех людей, о которых говорят: «Ходит и себя уважает». А жена — она носит чарующую улыбку, кокетливый полосатый жакет и совершенно новые ресницы.

Муж ведет жену под руку. Они о чем-то оживленно беседуют. Вернее, муж без усталости говорит. А она слушает, мило кивает головой и молчит, как бы боясь уронить на асфальт свою чарующую улыбку.

О чем он ей говорит в это прозрачное майское утро? Иду сзади и невольно слушаю рассказ солидного мужа. Что это такое?

Он говорит, пересыпая свою речь самыми отборными ругательствами. Муж рассказывает жене о своих сослуживцах. Характеристики краткие, но крепкие, с перцем. Жена слушает и мило кивает головой.

Ничего особенного. Супруги беседуют. Семейный разговор.

Нет, она ничуть не обижается. Обиделся я. Окликнув их, я сказал:

— Граждане! Что с вами? На каком наречии вы разговариваете?

Они удивленно уставились на меня:
— Что вам угодно?
— Почему вы заставляете меня краснеть?
— Что вам угодно?..
Я поник головой и ушел. Они меня не поняли.

Они привыкли к своему изысканному словарю. Конечно, когда они пойдут в гости к Чижиковым или Синичкиным, они там будут говорить по-иному. Легко допустить, что в гостях они поведут тонкую беседу: о левкоях и фиалках, о крепдештине и Ллойд-Джордже и о прочих возвышенных предметах. Но между собой к чему церемониться, зачем стесняться? Свои люди — сочтемся...

Большинство, огромное большинство, хочет жить с радостной улыбкой на лице. Но кучка отсталых людей — в смятых косоворотках или крахмальных воротничках — старается по мере своих умственных сил внести свой пай в мусорный ящик хамства.

Мы ежедневно получаем десятки писем по этому наиболее важному вопросу. Наши читатели наставляют: пора широким фронтом повести наступление против грубости и некультурности в нашем быту!

Сплошь и рядом мы проходим мимо хулиганских выходов распоясавшихся субъектов. Или: «Меня же он не трогает»; или: «Некогда мне этим заниматься». Некоторые сооружают кукиши в кармане, то есть возмущаются «в глубине души». А иные даже одобрительно хихикают: дескать, ловко парень отмочил.

Тов. К. Столяров в письме в редакцию пишет так называемые трамвайные нравы:
«Разве редкое явление — неприличная пья-

ная ругань в трамвае? И никто хулигана не остановит. Более того, находятся даже защитники: «Ну что привязываешься к пьяному человеку?»

Везде и всюду натыкаешься на этих непрошенных защитников. Как будто пьянство есть особая заслуга перед обществом и пьяный хулиган должен пользоваться льготами. «Больше внимания пьяному человеку!», «Окружим заботой нетрезвых людей!»

Да и сами пьяницы нередко говорят на суде, куда они попали оплод не за объяснение в любви своему ближнему:

— Товарищ судья, да я же был в доску пьян! Разве я виноват?

Нашел оправдание!

Позволительно спросить этого гражданина: — А кто вас просил называться свинья-свиньей? Так будьте же добры отвечать за свое свинство по всей строгости закона.

«В клубе Центрального универмага, — пишет И. Штимер, — я оказался свидетелем такой сцены: ко второму акту спектакля в зал вошла женщина, которую администратор усадил рядом со мной, предложив сидевшему на этом месте подростку (лет 16—17) пересест на свое место. Паренек поднялся, но когда администратор отошел, выдернул из-под женщины стул... Свидетели этой безобразной выходки громко расхохотались...»

Очень смешно! Так, верно, поготал тысячелетия тому назад дикий человек, наблюдая, как его сосед по коммунальной пещере ударяет собрата каменным топором.

Да и в наше время иногда услышишь:
— Мишка как звездает Петьке по кум-

Короткие рассказы

ПИСЬМО

Его вызвали в правление. Он пришел с молодой женщиной и, оставив ее в приемной, сказал:

— Ты, воробышек, посиди.
— Вот что, товарищ Песочкин, — сказал директор. — Нехорошо, брат, получается. Заворачиваешь ты у нас артелью газированных вод, а в быту ведешь себя некультурно. Жена вот на тебя жалуется, что ты груб с ней.

— Я? Груб? С женой? Тут ошибка.
— Какая там ошибка!
Директор прочитал отрывок из письма: «...и называет меня старой вороной».

— Разрешите, я позову жену?.. Марусенька!.. Скажи, пожалуйста, был я с тобой груб за время нашей совместной жизни?

— Никогда! — сказала Маруся.
— То есть, как? — забормотал директор. — Вы ведь Скобелева?

— Ах, Скобелева? — взмахнул руками Песочкин. — Так я уже год с ней развелся, она вышла замуж за другого. У вас, товарищ директор, письмо, вероятно, долго валялось.

— Ах!.. Валялось?.. Вы свободны... Действительно, с письмами у нас не ахти...

И, скривив письмо, бросил его в корзину. Песочкин вел жену под руку и говорил:

— А я слушаю, слушаю... Осторожнее, воробышек, здесь ступенечка...

— Вот перейду работать на такси без счетчика и тогда смогу пианино купить.

— То есть, как раздариваете? Распределяете?

— Дымчатого Вася дворников просил, пестрого — Ниночка...

— Погоди, погоди! Что значит — просил? Мало ли кто что просит! Во-первых, завяжи надо урезать. По одному котенку в одни руки, но больше. Второе, надо обсудить, кому каких котят.

— Дымчатого — Васе дворникову...
— Погоди ты, Маня! Дымчатый — самый красивый котенок. И самого красивого дворникову Васе?

— А мы уж ему обещали, — сказали дети.

— Мало ли что обещали. Скажите: перераспределение фондов, распоряжение центром... Вот доктор, доктор нам может понадобиться больше чем дворник... Так и резюмируем: котенок № 1, дымчатой масти, — докторской Нино. Впрочем, может, кто еще более нужные есть?..

Котка, почуввав неладное, хватая за шиворот котят, потащила их в угол. Ребята пошли за кошкой. Верхоглазов закричал:

— Позвольте, позвольте!.. Куда вы?.. Итак, резюмируем...

В. ТОБОЛЯКОВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Автомобиль отъехал. Верхоглазов, помахивая портфелем, прошел домой. В детской увидел ребят, сидевших на корточках возле подушки. На старой подушке мурлыкали кошка и недавно появившиеся на свет котята. Ребята о чем-то рассуждали.

— Дымчатого — Васе... А пестрого — Ниночке... А этого пестрого...

— Чего колдуете? — спросил Верхоглазов.

— Мы, папа, котят раздариваем! — сказал семилетний сын.

Сапоге

полу, а Петька бац об земь. Лежит, подлец, и не дышит. Вот смехатура!..

Любители смехатуры считают верхом остроумия ударить человека «по кумполу». Они всячески изощряются. Они даже непрочь использовать достижения современной техники. Например телефон.

Есть у нас специальное телефонное хулиганство. Некоторые идиоты, находящиеся на свободе, забавляются тем, что «разыгрывают» людей по телефону.

Ах, как это смешно!
— Это магазин № 17?

— Нет, это крематорий. Ха-ха!..
Это глупые, но еще сравнительно невинные шутки. Бывает похуже.

В Москве у гражданки С. лежит сын в больнице. Мать навестила сына и узнала, что кризис прошел благополучно. Она тут же из автомата позвонила своей знакомой, поделившись с ней своей радостью.

А через час этой же знакомой позвонили:

— Передайте гражданке С., мы не знаем ее телефона, что сын при смерти. Говорят из больницы. Мы случайно узнали ваш телефон. Скорее сообщите матери!

Никто из больницы не звонил. Сын гражданки С. чувствовал себя хорошо. Но когда мать звонила по телефону-автомату своей знакомой, там ждали очереди две девицы в беретках набекрень. Они запомнили номер телефона и «пошутили»... Ах, как смешно!

Таким же приблизительно чувством юмора жестокая природа наделила инженера Т. Об этом пишет нам его бывшая жена. Она вы-

нуждена проживать с ним в одной комнате. Но инженер всеми средствами пытается освободиться от «сосежки».

Одно из этих средств — стихосложение.

Человек с высшим образованием. Владеет искусством стиха. Государство потратило на него немало денег. Он изучал в школе произведения классиков. И вот сей огромный балбес начинает по утрам, валяясь в постели, сочинять непристойные стишки, оглашая комнату диким смехом.

С древних времен человек выражает стихами свои лучшие чувства. Но у балбеса нет чувств. Из стихов он сотворил орудие пытки.

Не только тактизм, но даже прекрасными стихами и мелодиями можно казнить своего соседа. Есть люди, которые ударят вас по голове изящным поминком стихов и в свое оправдание скажут:

— Разве я его поленом? Я же его стукнул «Божественной комедией» Данте...

Недаром письмо гражданки Казем-Сахалиевой заканчивается воплем:

«Чувствую, что схожу с ума. Умоляю, помогите!»

Гражданку Казем-Сахалиеву истязают Чайковским, Римским-Корсаковым.

Соседка-студентка пристроила к стене ее комнаты радиорепродуктор. С самого раннего утра до глубокой ночи он хрипло выкрикивает все мелодии и симфонии, созданные лучшими композиторами.

У Казем-Сахалиевой больной ребенок. На ее просьбы перенести репродуктор на другую стену или хотя бы выключать его, когда ре-

бенюк спит, она слышит в ответ: «Ненормальная», «псих».

Так разговаривает студентка. И при этом смеется:

— Ах, как смешно я ей ответила! Пусть не лезет...

Хамство бывает разных сортов и разных оттенков: с обильным фаршем из вышеупомянутой смехатуры и без фарша.

В Свердловской области есть город Азбест. В городе Азбесте есть азбест. И есть Союз-азбест, трест. А в тресте есть одно руководящее лицо, которое любит произносить поучительные речи. Но из всего богатства русского языка облобовало лишь два слова: «морда» и «бить». И во всех его проповедях только и слышишь: такому-то морду побьет и еще такому-то морду побьет.

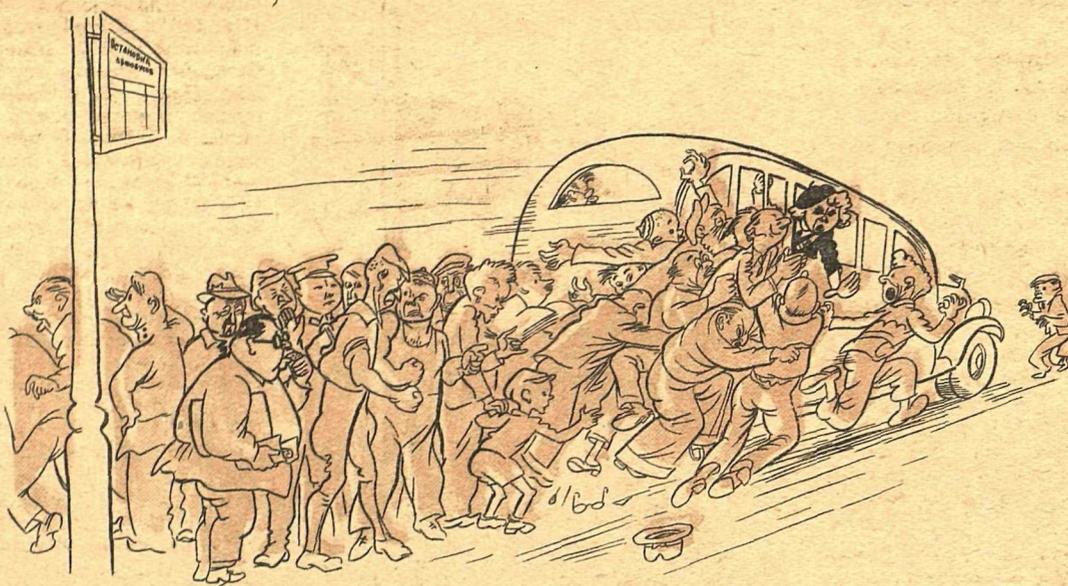
Кроме этих благих обещаний ничего больше от него не дождешься: ни указаний, ни предположений. Но зато сие руководящее лицо уверено, что оно настоящее лицо крепкого руководителя.

Хамство бывает разных сортов. Но надо полагать, что ни один из этих сортов неприемлем для нас.

Надо бороться со всяким проявлением грубости и хамства — вот о чем пишут нам читатели. Пережитки старинки, точно грязные комья к сапогу, прилипли к сознанию многих наших современников. Поможем им стряхнуть эти комья, чтоб еще чище и радостней были наши дома и улицы.

За это дело должен взяться каждый из нас. Ничья хата не с краю.

Г. РЫКЛИН

Сто мужчин и одна девушка.

Человек без острова

— Нет, что ни толкуй, а раньше было куда легче писать для юношества...

Мой собеседник вздохнул и уныло заглянул в чернильницу.

— Раньше даже фамилии больше подходили: Жюль Верн, Стивенсон... Это вам не Андрей Бобов! Только произнесешь «Жюль Верн», и сразу все понятно.

— Вероятно, потому, — высказал я довольно веское соображение, — что вы не написали ни «Путешествия на луну», ни «Таинственного острова», ни «Острова сокровищ», между тем как упомянутые вами товарищи...

Он живо повернулся на стуле:

— Совершенно верно, не написал! И никогда не напишу.

— Почему же?

— Как почему? Прежде всего потому, что все эти вещи уже написаны, и довольно неплохо.

— Это конечно. Но кто же просит вас писать то, что уже написано? У Стивенсона «Остров сокровищ», у Жюль Верна «Таинственный остров». Разве этим все исчерпано из островного хозяйства? Разве мало еще осталось островов? Пишите о каком-нибудь «Воздушном острове», «Острове крабов», о лобом...

— О лобом? — гробовым тоном усмехнулся Бобов. — Нет их ни одного! Каждый остров теперь обитаем, на каждом торчит радиостанция... Пробовал я, — ничего не выходит. Причины гораздо серьезнее, чем вы думаете. Вот вы говорите — острова. Прекрасно! Я именно с островов и начал. Я сказал себе: допустим, что «Таинственный остров» еще не написан Жюль Верном и ты, Андрей Бобов, приступаешь к использованию этого сюжета. Я попробовал прикинуть. И что же?

Он на мгновение умолк, как бы вспоминая тяжелые поражения:

— И что же? С первой страницы мне стало очевидно, что у меня никак не получится такое объемистое повествование...

— Ну, а вполковину? — обнадеживающе подсказал я.

— Ни даже в две странички! — признался он отчаянно. — Помните начало романа?

— Припоминаю, — сказал я. — Драматическая ситуация, диалог в воздухе, над океаном. «Мы поднимаемся?» «Нет, опускаемся». «Мы падаем!»

— Совершенно верно, — кивнул Бобов. — Аэростат стремительно падает. Близка гибель, — и как раз в эту роковую минуту начинается мое коренное расхождение с Жюль Верном...

— Что вы говорите!

— Увы... У Жюль Верна эта сцена — начало романа, у меня она — неизбежный, продиктованный обстоятельствами конец. В самом деле... Внизу — океан, земля далеко, кругом ни души. Судьба аэронавтов решена... Чудо? Ерунда! Какое чудо может их спасти? Вздор!

Андрей Бобов безнадежно развел руками:

— Все ясно: эти несчастные, если б о них писал я, а не Жюль Верн, погибли бы у меня тут же, немедленно, на первой странице. А где же тогда весь роман? Где «Таинственный остров»? Нет его...

Он горько и вопрошающе смотрел на меня.

— Н-да... — сказал я, не зная, чем утешить. — Положение ваше неважное. Герои утонули. Продолжения нет. Конец наступил раньше начала... Сочувствую!

— Слушайте дальше... — вздохнул Андрей Бобов, посмотрев на меня благодарными глазами. — Я попробовал взяться за «Остров сокровищ». Все это замечательно, но... Помните, что делает мать Джима после смерти Билля, оказавшегося пиратом. В самый опасный момент, когда вот-вот нагрянет шайка, она теряет драгоценное время, отсчитывая деньги, вместо того чтобы поспешно бежать с сыном. Стивенсон врет, будто им удалось спрятаться под мостом, а пираты стояли рядом и не видели. Чепуха! Самый неправдоподобный вымысел! Ясно, что у меня они тут же были бы схвачены и убиты, всего на сорок шестой странице... И опять конец, и нет «Острова сокровищ»!

— Кошмарно! — согласился я.

— А «Путешествие на луну»... — продолжал Бобов свою авторскую исповедь. — Какой чудесный сюжет! Но что тут можно поделать? Как помочь героям? Как я ни старался сохранить им жизнь для увлекательного путешествия, ничего из этой сомнительной затеи не вышло... Они еще держались у меня в ядре до выстрела из пушки. Но как только последовал выстрел, в ядре были мгновенно расплюснуты в лепешку и превращены в щепотку угля все герои, все до одного, вместе с собакой! И лететь на луну некому...

Андрей Бобов страдальчески сморщил лицо. И мрачно заключил:

— Боюсь ошибиться, но, повидимому, мне так и не удастся ни один фантастический роман...

Он умолк. Молчал и я. Молчала чернильница на столе писателя.

ИВ. ПРУТКОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

Предлагаем вниманию читателей литературную головоломку:

«...Пьеса была бы совершенной, если бы автор с большой заботой отнесся к образу Поташева. Это ведь бонна в мужской одежде, своеобразное живое ударение, значок жирным шрифтом, ко-чующий от положительного образа Марфы к положительному образу Степана.

...Степан вероломен, жаден, тщесла-вен... Какая гамма черт! Куча хлама. Все это ползет, извиваясь, туда, где подлень-кое сердце можно закрыть крахмаль-ной манишкой, где хвосту пороков уда-чно вилать между крыльями европейского фрака.

...Как же поставил спектакль режис-сер? На это ответил, прежде всего, зри-тель. Он аплодировал от всего ума и сердца.

Полнее всего идея режиссера видима в актерской игре... Прежде всего о тем-пературе, если позволено так вырази-ся, спектакля. Речь идет о боязни вы-сечь лишнюю искру темперамента».

Спрашивается: кто позволил хвосту пороков вилать между крыльями фрака? Также спрашивается: какому классику принадлежат эти фразы? И еще спрашивается: какой редактор рискнул все это опубликовать?

Отвечаем: автор этой рецензии А. Рапопорт. Это ему аплодировали «от всего ума и серд-ца» читатели днепропетровской областной га-зеты «Днепровская правда», благодарные и редактору М. Киперману, который не побоял-ся «высечь лишнюю искру темперамента» из этой, если позволено так выразиться, рецен-зии.

Гибель Помпеи

МОЙ друг Черничкин ворвался ко мне в полночь. На нем абсолютно не было лица.
— Везувий! — крикнул он с порога.
— Что?! Где?! — закричал и я, швырнув на пол одеяло.

Черничкин задыхался. Он упал в кресло, разбросав как попало руки.

— Извержение... первое! — прохрипел он.

— Какое извержение? Что с тобой?

— Помпея погибла... Радио... — бормотал Черничкин.

Тяжелое предчувствие сжало мое человеческое сердце. Бедный Черничкин! Что-то страшное с ним неладное. Я подошел к нему и осторожно погладил по голове:

— Не надо. Не волнуйся, друг мой. Все будет хорошо. Расскажи толком: в чем дело?

Черничкин долго не мог прийти в себя. Наконец, он успокоился:

— Только что передавали по радио. Последние известия. Понимаешь? Последние!

— Ну, и что же?

— Вот... Сообщили, что произошло первое извержение Везувия. Полностью погиб город Помпея. И еще какой-то... Это ужасно!

Черничкин задрожал всем телом.

— Успокойся, — сказал я. — Ничего ужасного. Это — недоразумение.

— О, спасибо! Ты действительно думаешь, что это — недоразумение?

— Конечно.

— Тогда я спасен!

— Тебе не угрожает никакая опасность. Сейчас мы все выясним.

Я достал из шкафа том энциклопедического словаря.

— Вот, смотри сам. Первое извержение Везувия произошло в 79 году нашей эры. Тысяча восемьсот шестьдесят один год назад! В результате этого бедствия погибли два города: Помпея и Геркуланум. Это было очень, очень давно, друг мой!

— Значит, это правда? Значит, я не сошел с ума?

Я искоса взглянул на Черничкина.

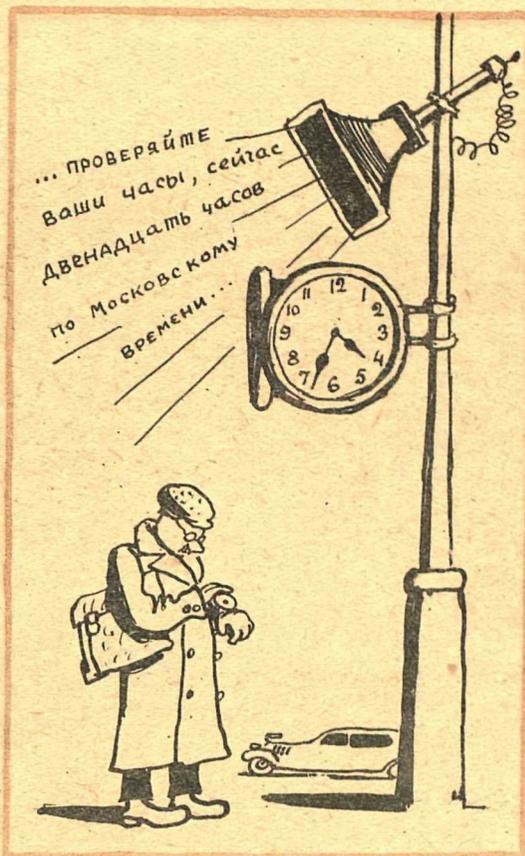
— Конечно, конечно, — поспешно сказал я. — Ты совсем здоров.

В правом глазу Черничкина сверкнула слеза благодарности.

— Теперь расскажи, что тебя взволновало.

— Это не так просто... Дай собраться с мыслями... Видишь ли, я хорошо знал, что эта самая Помпея погибла чорт знает когда... Но сегодня я услышал сообщение об этом событии в последних известиях... и, когда я сопоставил все это с тем, что слышал раньше... Это было страшно! Я понял, что я сошел с ума... Ужас охватил меня, я выбежал на улицу и примчался к тебе. Спасибо! Спасибо за то, что ты рассеял мои сомнения... Теперь слушай... Ты помнишь, что не так давно я приобрел радиоприемник? Сбылась безумная мечта! Я резко изменил образ жизни. Это говорящее диво приковало меня к дому, сделало меня совершеннейшим пайнкой. По вечерам меня уже никуда в мир не тянуло. Концерты, лекции, оперы, беседы — все привлекало мое внимание. Моя комната сразу сделалась филиалом Большого театра, консерватории, клуба писателей и Академии наук. Я стал расти! С восхищением наблюдал я, как изо дня в день повышается мой уровень! Но — и это главное — меня особенно увлекала передача последних известий. Подумай только, какие события происходят в нашей стране! А в мире? В мире, где проносятся бомбы, гремят орудия, рушатся города, исчезают целые страны! Радио внесло в мою комнату гул грандиозных событий... Но скоро я стал привыкать к этому неумолимому живому моему телефону. Я стал вслушиваться. С этой минуты я медленно, но верно начал погружаться в бездну... Заклинаю тебя, если ты когда-нибудь обзаведешься радио, — слушай! Слушай, но не вслушивайся, не анализируй,

Рис. Евгана

Обман зрения.

не рассуждай об услышанном. Кушай — или слушай, — что дают! Иначе... Вот как это началось. В конце мая я прихворнул и сидел дома. Днем передавали концерт народных инструментов. Знакомый дикторский баритон рассказывал что-то о балалайке. Я прислушался. Вот что он говорил. «Наша балалайка, — рокотал баритон, — прошла большой

путь... И вот теперь балалайка звучит в тысячных аудиториях... Она становится проводником классической и советской музыки... Перед балалайкой открылись настоящие большие пути...» Я не поверил ушам. Ты подумай: балалайка прошла путь! Балалайка — проводник! Перед балалайкой открылись пути! И я погиб... Я начал вслушиваться в то, что говорится по радио. В первый же вечер я понял, какой гибельный путь — настоящий, большой! — открылся передо мной. В шесть часов вечера последние известия сообщили, что Цезарь перешел Рубикон. Может быть, я ослышался? Я позвонил по телефону. Мой знакомый — преподаватель истории — ответил мне как-то неопределенно. «Видите ли, — сказал он, — я тоже слышал это сообщение... Конечно, современная наука имеет возможность устанавливать исторические факты более точно... Но тут расхождение нет... Все дело в том, насколько своевременна подобная публикация...» Ясно стало одно: я не ослышался, сообщение действительно было передано...

На другой день я с особым нетерпением ждал последних известий. Первое сообщение гласило: «Триста лет тому назад Марфа Посадница отвела крестьянам большой участок земли. И вот теперь колхоз «Красная заря»... Дальше я не слушал. Я долго ходил в эту ночь по городу... Я решил подвергнуть себя еще одному испытанию. И вот сегодня... Сегодня последние известия сообщили следующее: «За две тысячи лет до нашей эры на месте рыболовецкого колхоза «Щучий хвост» ничего не было. Сейчас перед глазами нашего корреспондента раскинулись живописные гирлянды неводов...» Я мрачно смотрел на свой радиоприемник. «Во что превратили гениальное изобретение!» — подумал я. И вдруг вскочил как уязвленный коброй. Диктор отчетливо произнес: «Только что получено сообщение о первом извержении Везувия. Погиб город Помпея и...» Я выбежал на улицу. Я помчался к тебе... Все конечно! Я сошел с ума! Эта мысль подхлестывала меня и гнала вперед... Но даже сейчас, когда ты успокоил меня, я чувствую, чувствую дыхание безумия, я слышу его внятный, торжественный и убедительный голос...

Черничкин умолил. Он был бледен, губы его отбивали мелкую дрожь.

НЕСТОР НЕТОПИЩ

Не верь ушам своим

В ПОЛДЕНЬ

День 16 мая 1940 года чуть не кончился ужасной катастрофой для Анны Сергеевны — жены одного из работников амбулатории кондитерской фабрики «Большевик», в Москве.

Ожидая мужа после ночного дежурства в амбулатории фабрики, Анна Сергеевна рассеянно слушала по радио дневной выпуск «Последних известий». Вдруг на середине передачи она стремительно вскочила с дивана, резко выключила радио и, нервно настроив несколько слов на листке из блокнота, выбежала из квартиры.

На листке было написано: «Ухожу навсегда... Не ищи... Бывшая А.»

ЧАС СПУСТЯ

Прочитав эту записку, муж Анны Сергеевны, вопреки ее желанию, немедленно отправился по свежим следам.

— Почему ты от меня ушла?

— Я не могу ни одной минуты жить с гнусным обманщиком! Да, да, не вояжай. Я теперь все знаю. Я прозрела. Счастливая случайность помогла мне узнать всю правду! Не перебивай! Мне ты говоришь, что работаешь в ночной смене на фабрике, а в действительности пропадаешь неизвестно где. Я собственными ушами слышала сегодня по радио, что на фабрике «Большевик» ночью закрыты медицинские пункты, столовая, красные уголки, а на помещении парткома и фабкома висит замок! Что ты на это скажешь?

— Едем немедленно на фабрику, и я докажу тебе противное.

— Едем! Там я тебя разоблачу до конца!

ЧАСОМ РАНЬШЕ

16 мая 1940 года в полдень многочисленный коллектив кондитерской фабрики «Большевик» с недоумением слушал фантастическое сообщение «Последних известий» по радио:

«Сегодня ночью в моем цехе московской фабрики «Большевик» из паропроводной трубы ударил пар. Добрых полчаса рабочие не могли исправить повреждение. Паром был охвачен весь цех. Это произошло потому, что дежурного водопроводчика не оказалось на месте. Ночью на фабрике «Большевик» побывал наш корреспондент. Он не застал там ни представителя парткома, ни дежурного от фабрично-заводского комитета.»

В ночной смене фабрики «Большевик» работает свыше 1000 человек, то есть треть наличного состава рабочих. Казалось бы, административная и общественные организации фабрики должны были уделить ночным сменам такое же внимание, как и дневным. Но на фабрике «Большевик» ночью закрыты: столовая, красные уголки, медицинские пункты. Замок висит и на помещениях парткома и фабкома...

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Объявление в вечерней газете: «Срочно по радио СВД-9. Адрес: Б. Ивановская, 26, кв. 3. Спросить Анну Сергеевну.»

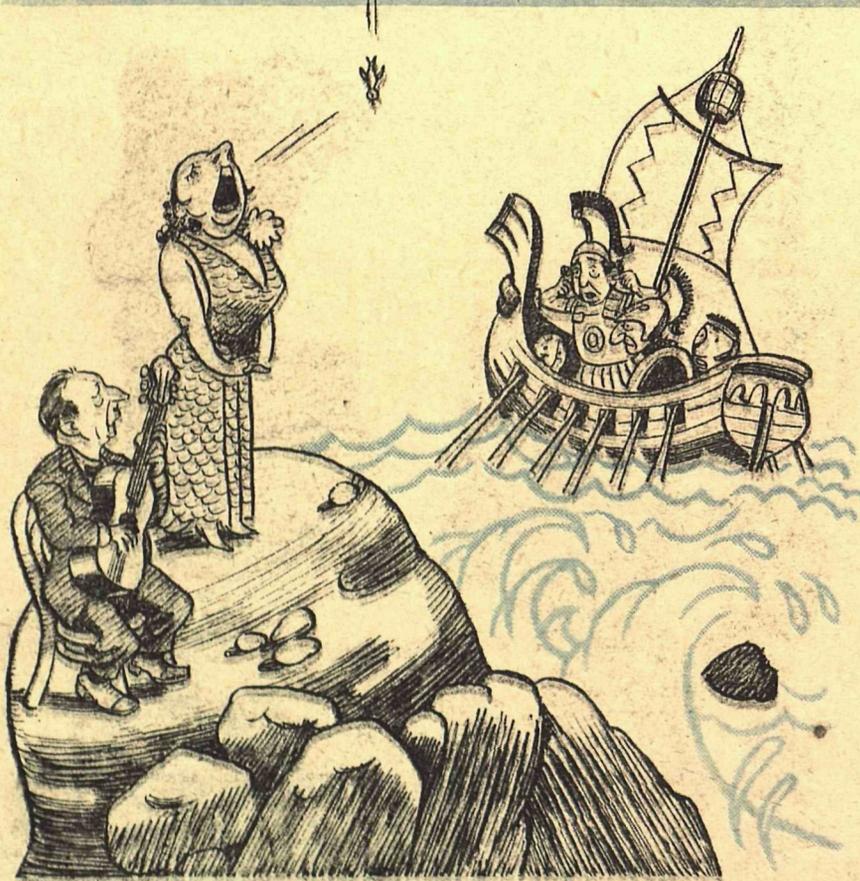
Легенда рассказывает, что библейский чемпион-тяжеловес Самсон был коварно лишен своей силы Далилой, подосланной филистимлянами. Дело, видите ли, в том, что ней сила этого богатыря таилась в лишней ивельюре. Облысев Самсон — и силы как не бывало! Учи это, Далила срезала самсоновы кудри, и чемпион стал слабее мухи. Легенда умалчивает, какими именно ножницами остригла Далила Самсона. Одно ясно: это не были ножницы, широко применяемые в нынешних парикмахерских. Повезло Далиле!

Мать Ахиллеса Фетиде приняла все меры к тому, чтобы сделать своего сына неуязвимым. Для этого она даже окунала его в огненную купель! Да просчиталась: окуная, держала мать-чинушку за пятку, которая и осталась единственным уязвимым местом Ахиллеса. В эту-то ахиллесову пятку и попала стрела, умертвившая мифического героя. Долго добirались до этой самой пятки. А чего бы проще? Обуть Ахиллеса в скороходовские ботинки, утыканые гвоздями — и дело с концом!

ЧТО БЫ

КАЧЕСТВО все
воля и судьбе героев
рней и литературной
факты говорят об одно
момент всегда все о
венным, все было и
успехами либо испра
все шло, как по масл
качество предметов и
чество обслуживания
качество производств
говорится, на высте
на минуту, что качес
то бы немножко пок
некоторых предмет
ны сейчас. Ход е
иним, как это видно

Как сообщает старик Гомер, некогда существовали такие певцы — спринты. Они жили на острове, завлекали своим пением проезжавших мимо моравков и губили их. Ничего неприятного о любителях романсов не случилось бы, если бы вместо сприн на острове выступали некоторые работники Мосстрелды. Попробовали бы они завлечь мореходов!

Юлий Цезарь разбил галлов единым махом, о чем тут же сообщил в Рим. «Пришел, увидел, победил», — писал Цезарь. И гонимы быстро препроводили эту релицию куда следует. Не было под рукой у Цезаря почтового ящика! А то, чего доброго, сенат до сих пор не знал бы об его победе...

ЧТО БЫ!

да играло решающую роль в прославленных исторических легендах и достоверных фактах и том же: в нужный момент называлось добродетелью, а в другое место, герои либо предатели погибали — словом, Почему? Потому что в эпоху потребления, как и в эпоху танца! — искусство было, как искусство... Но представим себе во всех этих случаях бытие... Не зрелище качества, которыми пользуется человек, а бытие бытия, как в ваших рисунках.

Легко было Александру Македонскому разпутать гордиев узел — тот самый, который был завязан даром Гордием, объявившим: «Кто распутает узел, будет владеть миром». Александр Македонский — постому и герой, что соорбил пусить в ход меч. Не было в те времена «Метасоюза» и ножей, выпускаемых этим почтенным учреждением...

В древние времена случилось такое чудо. Скульптор Пигмалион влюбился в статую прекрасной Галатеи, которую он же и вылепил. А влюбившись, умолил богов оживить Галатею и сделать ее его женой. Читатель без труда поймет, как бы реагировал бедняга Пигмалион, если бы боги по ошибке оживили не Галатею, а одну из скульптур, появляющихся на выставках «Всекохудожника».

Руслан, отправившись на поиски Людмилы, довольно быстро узнал местопребывание своей возлюбленной. Ему помог старец, любезно и обстоятельно растолковавший, кто и куда упрятал его юную супругу. Не видать бы Руслану Людмилы, как своих ушей, обратился он в справочный киоск Мосгорсправки! Ведь мы-то с вами знаем, каково приходится, если надо узнать адрес не то что любимой, а просто любого учреждения!

Инквизиция, как известно, широко применяла сожжение еретиков на кострах. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что при разжигании костров предусмотрительные инквизиторы отнюдь не пользовались свичками «Гигиена» и «Молотка».

Рис. В. Медведева (Ростов на Дону)

Опять соседские окна разбил! Неужели мало для тебя стекол на других улицах!

Неохваченный Туркин

В ЖИЗНИ преддехкома тов. Дровкина вымелось одно темное пятно — Яков Васильевич Туркин.

Не то что Туркин был вредной личностью. Нет, с этой точки зрения все обстояло благополучно. Яков Васильевич — человек тихий, не слишком пьющий. И все-таки именно из-за него цех потерял первое место в соревновании.

— Яков Васильевич — совершенно неохваченный человек, — говорит Дровкин. — Вот и получилось: у Трубного по линии общественной нагрузки — 100 процентов, а у нас — 99,5. Пять десятых и есть Туркин.

Нужно сказать, что Дровкин не раз пытался втянуть Якова Васильевича. Предлагал ему одну нагрузку за другой, а Туркин отказывался. И многосемен, и видите ли, делшки всякие есть, и неспособен по неграмотности.

Однажды в цех пришел корреспондент по фамилии Лышко.

— Знаешь что, товарищ Дровкин, — сказал он. — Нужна мне срочно пассивная личность. Мы там подборку составляем, и мне поручено стукнуть по пассивности.

Дровкин подумал и неохотно сказал:

— Есть такая пассивная личность в лице товарища Туркина, мастера одного. Только ты, брат, уж очень стучаешь размашисто. А это человек ничего. В плоскости неохваченности — верно. А вообще говоря...

— Ладно, — перебил Лышко. — Давай адрес, я разберусь.

И он пошел на квартиру к Туркину.

Домик Туркина находился довольно далеко, в самом конце глухой, пустынной Нольной улицы.

Когда Лышко постучался, послышался визгливый собачий лай, после чего дверь открыла какая-то женщина.

Это была непонятливая и, может быть, несколько глухая гражданка. Все-таки, наконец, Лышко объяснил ей, что именно ему требуется, и тогда старуха, обняв его большую сварливецкую, сказала, что Яков Васильевич, поскольку он со вчерашнего вечера в отпуску, нынче

в 12 часов выбыл для поправления здоровья к одному своему племяннику, проживающему в Рязанской области, после чего захлопнула дверь.

Лышко шел обратно очень расстроенный. Он считался быстрым работником и обещал секретарю редакции сегодня же собрать материал и вечером написать. Теперь же из-за неизвестно зачем смотавшегося в Рязанскую область пражданина приходилось терять драгоценное время и гноить на корню довольно удачные заголовки.

В таком настроении шел Лышко и от нечего делать смотрел по сторонам, оглядывал витрины и редких прохожих. На углу Борисовской и Факельной внимание его привлек горячий разговор, происходивший около одного магазина.

Небольшой худощавый человек, наступая на огромного дядю в тулупе и валенках, разъяснял ему, что в витрине горит десять лампочек вместо двух, а это полный беспорядок. Сторож же грубо спрашивал напористого гражданина, какое ему дело, чего он сует нос куда не следует.

Но гражданин был настолько напорист, что сторож через некоторое время начал отступать, ссылаясь на то, что не имеет ключей, а вообще он-де сам понимает и ему самому противно смотреть, как всю ночь горят лампочки, и завтра он поставит вопрос ребром.

Гражданин пошутил еще немного и пошел прочь. Лышко решил познакомиться с этим человеком. Разговор завязался не без труда. Гражданин смотрел вначале подозрительно, даже немного испуганно. Но лицо Лышко открытое и в общем добродушное, видимо, внушало доверие, и с течением времени беседа завязалась.

Гражданин рассказал, что имеет привычку, так сказать, от нечего делать, в свободное время бродить, попутно замечая некоторые неполадки. Сейчас, в частности, он направляется к одному любопытному человеку по фамилии Иван Иванович Свищев. Дело в том, что, как

известно, на изделиях Нижнекозихинского завода очень непрочная окраска. А этот Свищев много лет назад был каретником, и на его карете, говорят, один барин в самое пекло проехал: душу из заклада выкупать, — а краска даже не треснула. И вот у него есть мысль втравить Свищева в работу по окраске. Комбайн — не карета, но все-таки.

Лышко проводил нового знакомца к Свищеву и остался ждать его у маленького деревянного строения, окруженного чахлыми деревьями. Вечер теперь казался ему приятным и интересным. И когда на поднятое вверх лицо Лышко упали две крупные дождевые капли, так явственно ощутилось приближение весны, что захотелось спеть что-нибудь или вспомнить какое-нибудь стихотворение. Но петь было неприлично, а из стихов припоминалась только одна строчка: «Мой дядя самых честных правил», — которая сюда не подходила.

Гражданин вышел довольный, сказал, что, видимо, уломал этого Ивана Ивановича и тот обещался завтра попробовать сварить краску по своему рецепту. Так они шли, беседуя и чувствуя симпатию друг к другу, до самой Нольной улицы. Здесь собеседник остановился и сказал, что ему пора домой.

— А где, собственно, ваш дом? — спросил Лышко.

— Да недалеко — в конце Нольной.

— Тогда, может быть, вы знаете некоего Туркина Якова Васильевича, он тоже там проживает.

— Туркин? Так это ж я и есть, Яков Туркин.

Лышко ничего не понимал.

— А мне сказали, что Яков Васильевич уехал в Рязанскую область.

— Уехал? Нет, здесь получилось некоторое недоразумение. Мне казалось, будто поезд в 12 часов дня идет, а на вокзале выяснилось, что он отправляется ночью.

Лышко впал в крайнее смущение. Может быть, ему показалось, что Яков Васильевич видел, как в голове его складывались фразы о пассивном Туркине, никчемном человеке, который отработал свои часы — и марш домой. Словом, Лышко забормотал что-то непонятное и почти побежал домой.

Дома Лышко сразу сел к столу. Ему странно захотелось написать о Туркине. Он написал несколько слов, скомкал лист и бросил его. Ничего не получалось. Порою казалось, вот-вот поднимутся, взлетят легкие певучие слова. Но на бумаге изображались холодные, беспомощные фразы: «Туркинцина — явление крайне положительное. Надо поднять его на высоту» и т. д.

Может быть, сказалось то, что у Лышко с самых молодых лет было тристасти стучать, громить. Он еще юнкором писал под псевдонимом «Жало». А сейчас требовались другие, хорошие слова.

Лышко всерьез бросил последний недописанный листок и задумался. Взгляд его при этом упал на брюки, почти до пояса забрызганные грязью. Это незначительное наблюдение напомнило, что уже несколько дней у него лежит материал о непорядках в Коммухозе. И вот Лышко с жаром написал статейку о холодном и черством человеке Рыкове из Коммухоза, который получает жалование, премии, зарылся в бумажках, не обращая внимания, что кругом грязь, мостовые разворочены.

От того, что энергия нашла выход, стало легче. Но все-таки в сердце оставалось беспокойство.

Тогда Лышко оделся и пошел к Дровкину, с которым был знаком давно и довольно близко, так как, еще работая в заводской многотиражке, не раз продергивал его за элементы бюрократизма.

— Ты близорукий руководитель! — крикнул Лышко из коридора. — Этот Яков Васильевич...

И он рассказал про Туркина, почему-то теперь найдя простые, хорошие слова, которые час тому назад никак не хотели ложиться на бумагу. Может быть, они просто боятся чернил и слишком любят свободу, эти слова.

— Здорово! — сказал Дровкин, когда Лышко кончил. — Интересный факт. Он, значит, вроде общественного контролера. Мы его под этой рубрикой впишем, и получится, что как раз сто процентов у нас охвачено общественной работой.

А. ШАРОВ

Пустая профессия

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ с ним случайно, в кафе. Он дымил папиросой, как паровоз, бесцеремонно прислушивался к нашему разговору и, наконец, вклинился в него, улучшив удобную паузу:

— Простите, вы с таким увлечением говорите о своей работе... А вот я... я своей профессией недоволен. Пустая у меня профессия! Представьте себе художника, работающего для слепых, и вы поймете мое положение. Невероятно?.. Факт!.. Я мастер промартеля «Худштамп»... Моя фамилия — Индюков... Нашу продукцию вы можете встретить везде и всюду... Вот, например, полюбуйтесь!

Индюков ткнул дымящейся папиросой по направлению к одному из столиков. Там подвыпившие люди, никого не стесняясь, наливали в стаканы водку из принесенной с собой бутылки.

— Видите? Да вы посмотрите выше, на стенку!

На стене висела четкая надпись: «Приносить с собой и распивать крепкие напитки воспрещается».

— Вот это и есть наша продукция. Мы производим подобного рода надписи. Совершенно бесполезное занятие! Можно подумать, что у нас нет ни одного грамотного человека. Невероятно?.. Факт!.. Возмутительный факт!.. Под надписью «Соблюдайте чистоту» вы увидите горы грязи и мусора; под надписью «Будьте взаимно вежливы» люди изощряются, как могут, во взаимной грубости; на вокзалах под надписью «При посадке соблюдайте порядок» люди ведут себя, как взбесившееся стадо бизонов; в вагонах метро на дверях перед самыми глазами пассажиров написано: «Не мешайте входу и выходу», — а люди торчат именно у входа и выхода, создавая в дверях пробки. И ведь ничем их не прошибешь, торчат, как бараны, как пумы, как... как... как чорт знает что!.. Простите, я не могу об этом говорить спокойно...

Индюков пыхнул табачным дымом, юркнул пепел на скатерть и раздраженно крикнул официанту:

— Почему у вас нет на столах пепельниц?

— А вы, гражданин, грамотный? — флегматично отозвался официант и указал на стену. Над самым столиком, перед глазами Индюкова, висела надпись: «Курить воспрещается».

Н. КОЛЕСНИКОВ

«НЕ ШЕЙ ТЫ МНЕ, МАТУШКА...»

Вопрос:

Нужны ли Челябинскому заводу ферросплавов образцы летних тканей сезона 1940 года?

Ответ:

По мнению московской конторы Главспецстали, крайне нужны. Недаром же (в буквальном и переносном смысле) эта самая контора обильно снабдила упомянутый завод всевозможными образцами текстильных изделий.

Здесь и веселенькие ситчики, и маркизет различных оттенков, и крепдешин, успешно конкурирующий с блестящим фатедином, и креп жоржет, готовый свести с ума любую франтиху...

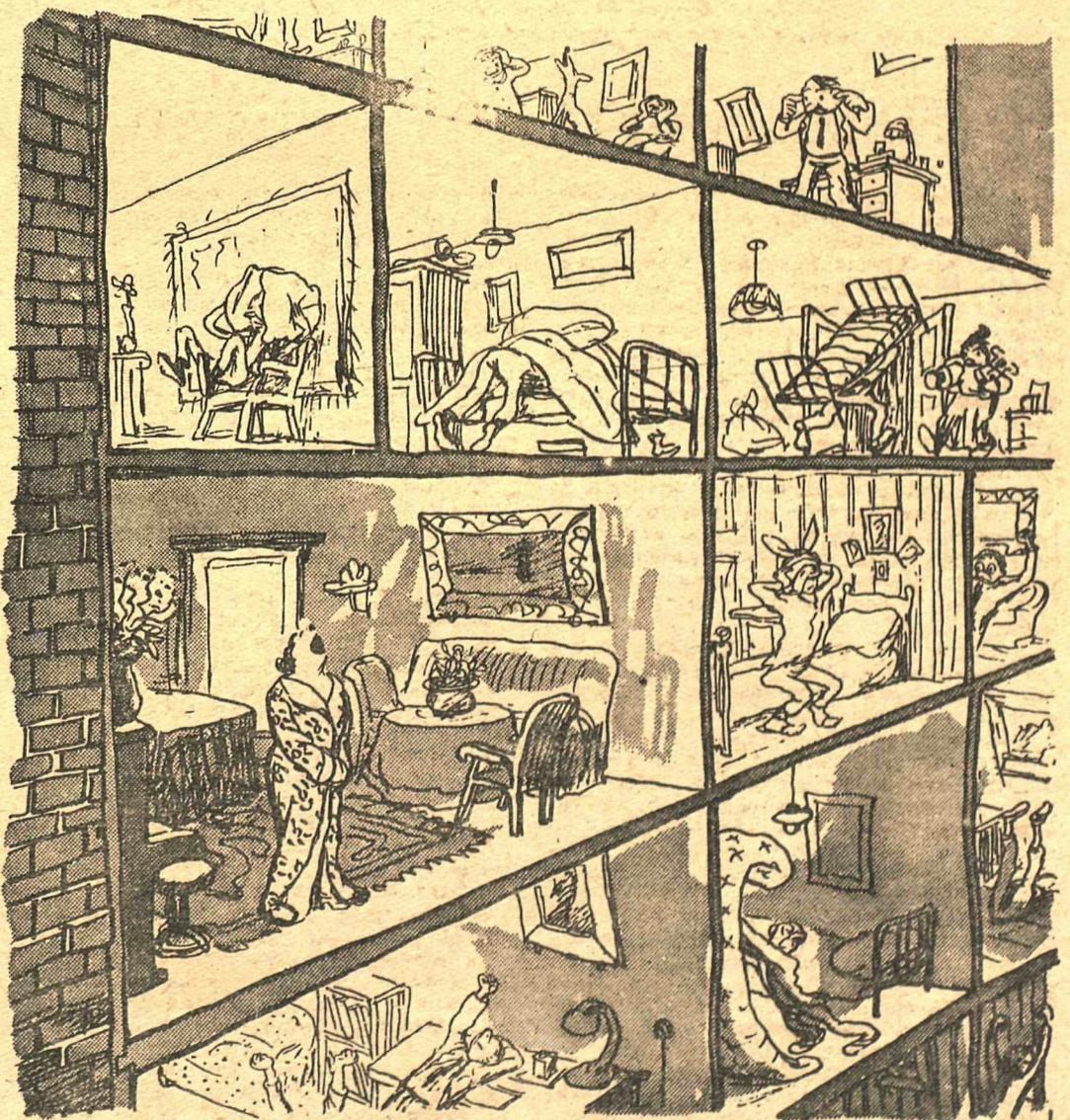
И оформлены эти замечательные образцы очень оригинально: в виде рукавиц. Да, да, обыкновенных рукавиц. Посмотришь на эти рукавицы — и сердце радуется: до чего красивые ткани изготовляет наша текстильная промышленность!

Но, с другой стороны, то же сердце готово сжаться от ужаса, если допустить хоть на секунду, что рукавицы присланы совсем для иной цели.

Так как же, товарищи из московской конторы Главспецстали, для чего вы прислали в Челябинск эти рукавицы: для эстетических наслаждений или, может быть, для практического применения?

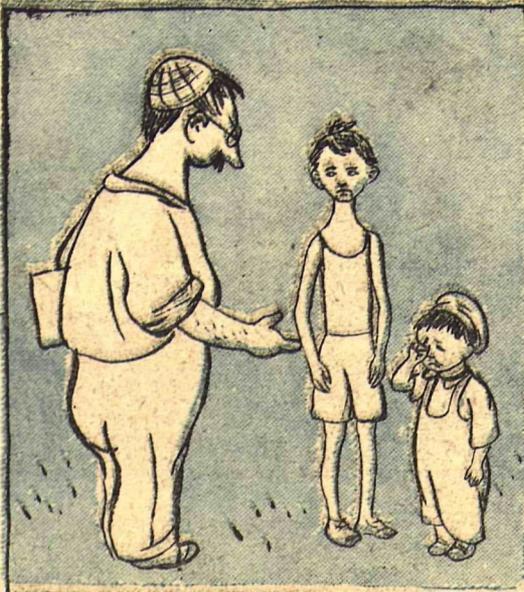

Архитектору здорово досталось за плохую акустику в выстроенном клубе...

...Зато при постройке жилого дома он постарался избежать допущенных ошибок.

Рис. Л. Генча

— Ай, ай, ай, нехорошо обижать маленьких!

— Что? Некуда мусор сваливать? Займите детскую площадку.

Любовь и грамматика

(Истинное происшествие)

«16-го окт. 1939 г.

Привет из Ленинграда!

Здравствуйте, Нина!

Разрешите побеспокоить неожиданном для Вас письмом и слово неожиданность — это не есть просто случайность, а это есть слово, выходящее из моих личных фантастических, а в некоторой степени может быть и странных соображений и мнений о Вас, и слово странность, как таково, конечно, в большей степени зависит от Вас.

Нина! Я прекрасно помню тот момент, когда я Вас видел, не знаю, как в отношении Вашей памяти. Помните ли Вы это?

Нина! На первый раз расписывать нечего, хотя я и так вышел глубоко из пределов того, о чем пишется в первых сообщаемых письмах. Нина! Я познакомился с Вашим знакомым Лачковым.

С приветом! Коля Стульчиков.

В общежитии раздавался оглушительный смех. Девушки, толпившиеся вокруг подруги Нины, читавшей письмо, изнемогали. Она же прерывисто шептала:

— Девушки, девочки, ох, не могу, не могу! Какой осел! Какой осел!..

Ее забросали вопросами:

— Да кто он такой? Почему он пишет тебе?

Выяснилось, что Нина как-то познакомилась с одним молодым человеком. Юноша сообщил, что он окончил среднюю школу и теперь уезжает учиться в Ленинград. Нина попросила его передать привет своему ленинградскому приятелю Лачкову. Вот и все!

Вскоре Стульчиков снова дал знать о себе. Нина получила письмо в розовом конверте в полосочку:

«Здравствуй, Ниночка!

Первым делом хочу приветствовать тебя и вторым делом сообщаю тебе о том, что привет Лачкову я передал, от чего он стал таким интересным по отношению этого вопроса, что такое особое явление поколебало все мои товарищеские отношения по отношению к нему — я и он разошлись по дорогам в разных направлениях. Пишет ли он тебе и, коротко говоря, чтобы зря не болтаться имеет ли он какие-либо отношения, а возможно и стремления по отношению к тебе, ибо я человек открытый, полный правдивостью и исполнительностью, хотя про себя неудобно и вообще не тактично описывать свои положительные и отрицательные стороны.

Сейчас хочу поговорит с тобой на наши личные отношения.

Я не знаю, поняла ли ты все то, что я писал в том письме в такой мысли, какая у меня существует. А если поняла, тогда я интересуюсь твоим душевным отношением и возможно в будущем сплоченным явлением (что зависит от тебя) по отношению ко мне.

Нина! Если возможно, пришли свое фото.

С приветом Николай Стульчиков.

Стульчиков явно превзошел самого себя! Его творение долго обсуждалось всем общежитием. Одни советовали просто плюнуть, другие — послать ему, купив на общий счет, несколько книг по грамматике и русский словарь. Третьи говорили, что нужно написать письмо о том, что любовь требует совершенно иного языка и стиля.

После длительного совещания девушки решили написать Стульчикову письмо, используя его собственный богатый запас слов:

«Привет по отношению Коли!

Первым делом считаю своим долгом по отношению данного письма извиниться в отношении своего молчания бывшего довольно не тактичным по отношению Вас.

Я была очень поражена списанным Вами «особым явлением» по отношению Вашего разговора с Лачковым в отношении моего привет и его ответа и должна сказать, что вынуждена была выразить всякие отрицательные чувства и отношения по отношению искренности Ваших сведений и в отношении моего ответа на них.

Далее, я не считаю себя в праве перейти на разговор о наших личных отношениях, ибо практического отношения в наших отношениях быть не может, первым делом из-за пространственной удаленности городов, а вторым — из-за весьма отрицательных отношений моих чувств к Вашим отношениям в отношении меня.

Особенно поражаюсь в отношении правдивости мысли, высказанной великим Буало: «Учитесь мыслить вы, затем уже писать», — сказанной им по отношению и поэтов и всех, кто берет перо в руку, а особенно тех, кто в отношении среднего образования имеет в руках аттестат за десятилетку и мечтает относительно сплоченных явлений.

Всего доброго в отношении здоровья и применения мысли Буало на практике. Нина.

Письмо было отослано. Ответа девушки не получили.

Н. ФВМИНА

Ростов на Дону.

Се лев

В 1940 году, через 90 лет после смерти поэта Козьмы Пруткова, мы еще раз убеждаемся в том, что большинство высказываний этого мыслителя и художника является просто пророческим. Например как мог Прутков еще в середине прошлого века предвидеть деятельность ленинградской фабрики «Советский картонажник»? А ведь предвидел же. Прутков, как известно, является автором изречения:

«Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим».

И точно: прошло 90 лет, и вот «Советский картонажник» выпускает для детей лого с изображением зверей. На одной стороне карточки мы видим вот такой рисунок:

А с другой стороны оттиснут такой текст:

СОБАКА.

Домашнее животное, умное и преданное человеку. Водится всюду. Питается животной и растительной пищей. В зависимости от пород используется человеком для караульной службы, для охоты, ввешных целей и т. п.

Может быть, кому в голову придет такое соображение: просто в «Советском картонажнике» сидят шутники, и они захотели повторить шутку Пруткова. Но нет, это не шутка. Это метод работы, потому что наряду с воспроизведенным выше песочком имеется еще и такая картинка:

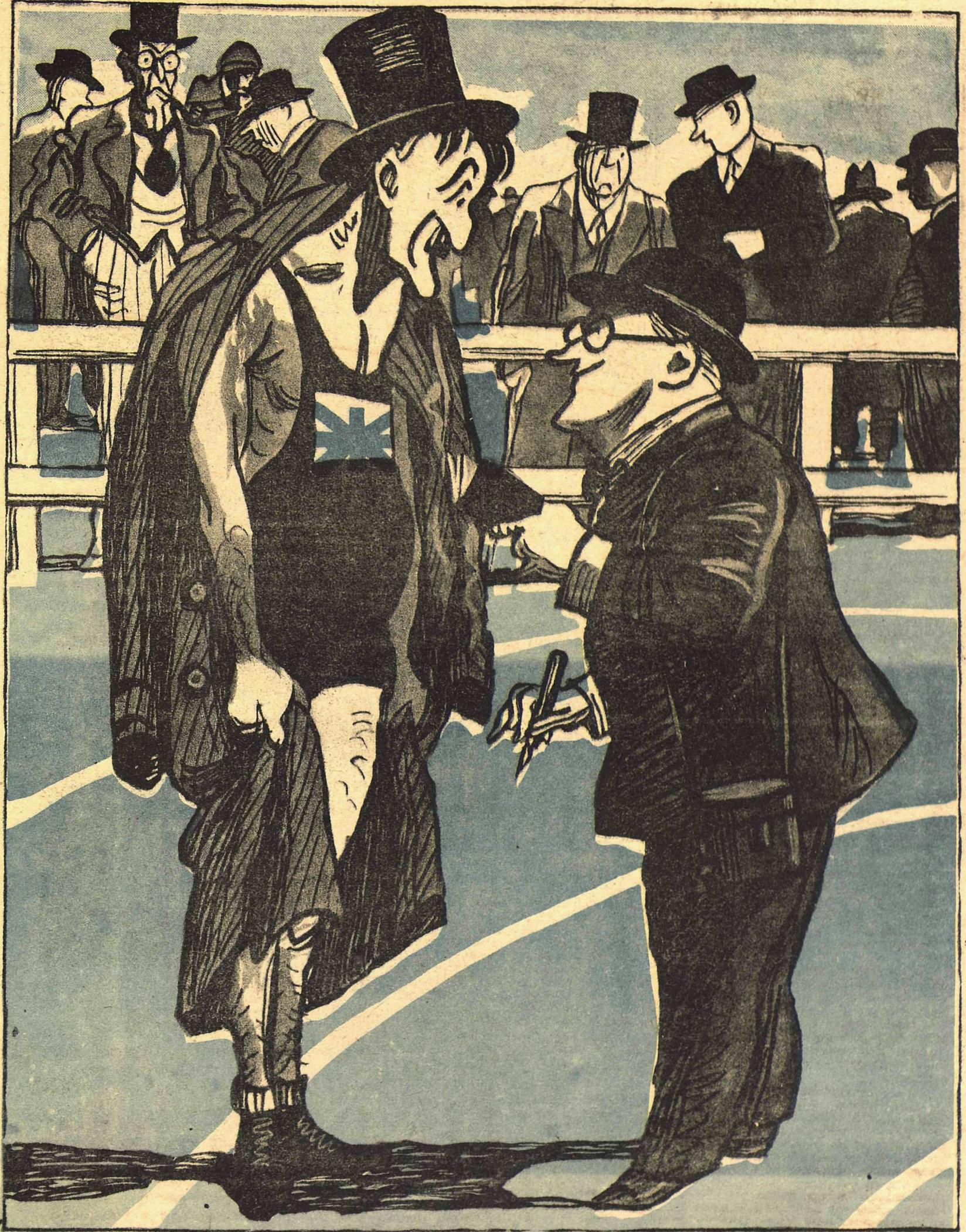
Ну-ка, быстро ответьте: что здесь нарисовано? Правильно. Обезьяна. А текст какой? Текст — ясно какой:

КОРОВА.

Крупное домашнее животное. Питается растительной пищей в свежем и сухом виде. Одно из полезнейших для человека животных. Разводится для получения молока, мяса, кожи. Наиболее распространен. породы: голландская и холмогор...

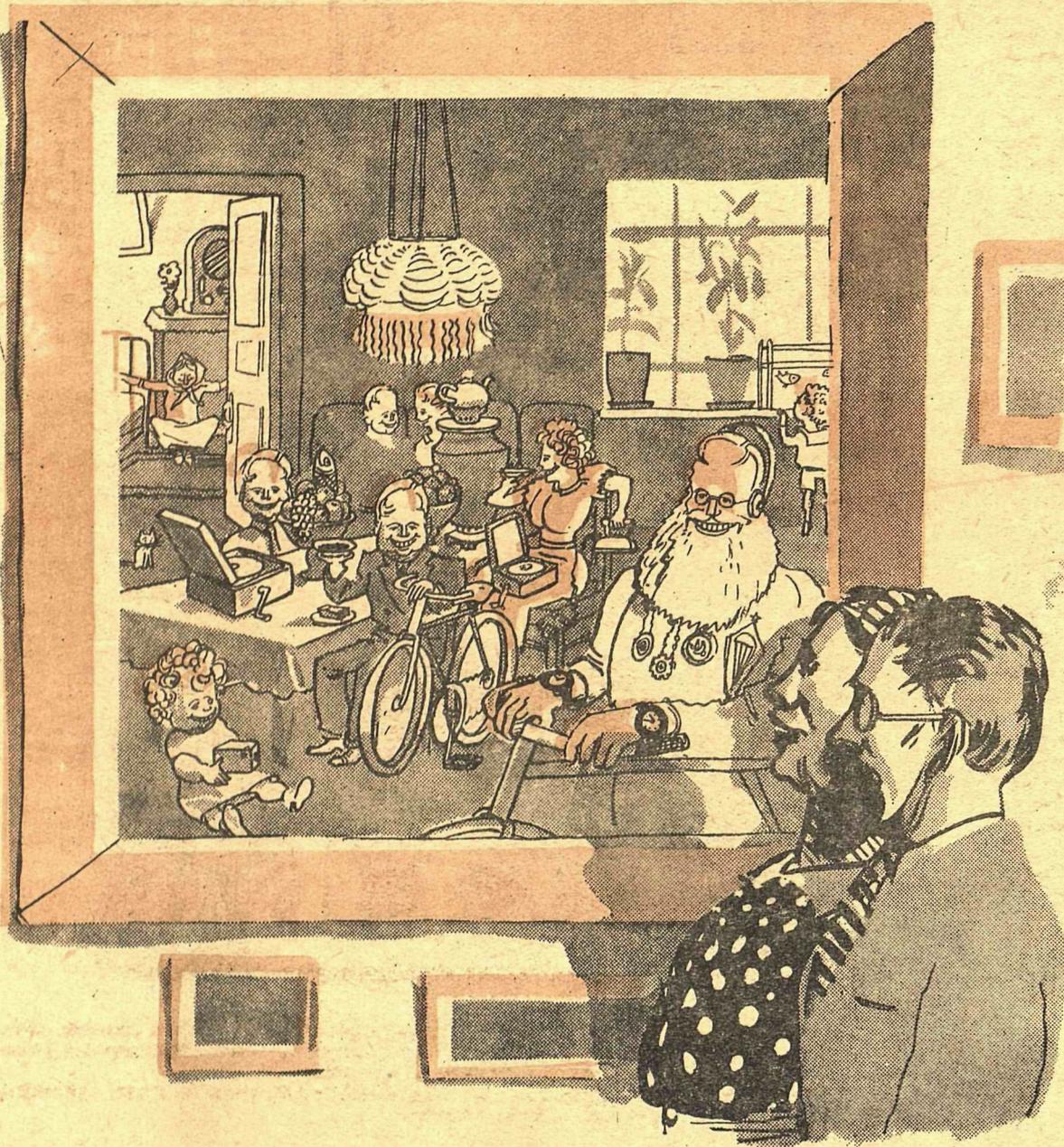
Пламенный привет работникам фабрики «Советский картонажник», которые в своих играх сообщают нашим детям множество полезных сведений о домашних животных и о себе самих!

Рис. Л. Бродаты

— Почему-то во всех забегах вы приходите вторым, мистер Чемберлен?
— Зато ушел первым.

Рис. А. - Каневского

— Что это: акварель или масло?
— Нет, сплошной лак.

Беседы ученого

Проблема долголетия

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Наука установила, что каждый предмет — одушевленный или неодушевленный — стремится жить подольше. Есть, например, сосны, которым перевалило за пятьсот лет. Есть тысячелетние папоротники. А есть такое дерево — баюбаб называется, — которое незбылемо стоит на одном месте четыре тысячи лет. И ничего, цветет.

Какой же научный вывод отсюда напрашивается?

А вывод напрашивается такой. Если дерево изловчилось жить сколько его душе угодно, то не может ли и человек продлить свое существование на сотню — другую лет?

На этот наболевший вопрос я отвечаю категорически: да, может.

2. МОИ НАБЛЮДЕНИЯ

В свое время я установил наблюдение над неким Никанором Федулычем Спичкиным, моим любимым тестем. Работая счетоводом в одном укрупненном домоуправлении, он поражал всех своим жизнерадостным, сварливым характером. В 60 лет Никанор Федулыч почти ежедневно два часа, а в выходные дни и все шесть часов проводил на катке, тренируя свои гибкие ноги. В 70 лет он поступил на вечерние курсы западных танцев, которые окончил на «отлично» без отрыва от производства. Когда Никанору Федулычу стукнуло 83 года, он стал в свободное от работы время бегать вокруг своего дома, чтобы летом вступить в состязание с братьями Знаменскими.

В общем, как говорится, фено-

менальный старичок. Но только, повторяю, был у него сварливый характер. Вмешивался в личные дела жильцов, пакостил им. — словом, выражаясь медицинским языком, страдал острым склочным неврозом. И до того эта болезнь стала опасной, что соседи стали проклинать свою жизнь. Унять же Спичкина мог лишь я, его зять, поскольку он меня хотя и уважал, но боялся.

Тут-то я и проделал рискованный научный эксперимент: взял да и переселил Никанора Федулыча к себе, в свою трехкомнатную квартиру.

Каковы же результаты этого эксперимента?

Освободившись от жизнерадостного склочника, жильцы, с которыми раньше жил мой тесть, вздохнули свободнее, и я могу со всей

ответственностью ученого заявить, что им обеспечено долголетие.

Что же касается Никанора Федулыча, то, прожив у меня 4 года и 3 месяца, он тихо почил от несварения желудка 88 лет от роду.

3. ВНИМАНИЮ ДРАМАТУРГОВ

Многочисленные пациенты, особенно работники театра, забрасывают меня запросами на такую тему: «Сколько лет может прожить на сцене пьеса?» Поскольку эта тема имеет прямое отношение к проблеме долголетия, я и занялся ею.

Что же оказалось?

Лабораторные исследования театральных касс со всей очевидностью показали, что пьесы отдельных авторов, как Шекспир, Гоголь, Островский, могут жить десятки и сотни лет, так как их ткань не изнашивается и циркуляция крови не прекращается.

Значит ли это, что любой пьесе гарантировано долголетие? Да, одно время значило, ибо существовали патентованные средства («организованный зритель», «целевые спектакли»), с помощью которых можно было удлинить жизнь всякой пьесы на квантум сагис лет (сколько угодно). Однако сейчас эти средства признаны недействительными и многие драматические произведения умирают в грудном возрасте.

Помочь авторам таких пьес медицина, к сожалению, бессильна.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно в одной статье охватить весь комплекс проблем, касающихся долголетия. Но рано или поздно мне еще раз придется встретиться с читателями «Крокодила». Сейчас я веду наблюдения над одним 25-летним индивидуумом К. Интуиция ученого подсказывает мне, что этот субъект проживет не менее 110 лет. Если мой прогноз оправдается, я потом с удовольствием расскажу читателям, каким образом гражданину К. удалось добиться таких блестящих результатов.

Отклики на мою беседу шлите по адресу: Птичий тупик, 8, зубному технику А. Четкинину.

Зав. научным столом
И. ВЕРХОВЦЕВ

ГОЛОВА ЛИ!

Думали, думали председатель колхоза имени Молотова Балабай и бухгалтер Корнейко и придумали. Дали некоему Гужве такую справку:

СПРАВКА

Дана сия Гужве Федоту Ром. в том, что он действительно член артели им. Молотова Юрченковского сельсовета Печенежского района (Харьковской области), каковой в колхозе работал плохо, к работе относился плохо, занимался развалом колхоза, жена на работу не ходит, занял в колхозе две усадьбы и теперь не хочет работать, а потому выдана справка на право отходничества.

Что и удостоверяется.

Председатель колхоза Балабай
Бухгалтер Корнейко.

По-украински «председатель» — «голова». По отношению к тов. Балабаю это не совсем верно.

Особый Отдел

НОВОЕ О ПУШКИНЕ

Ленинградский Дом ученых включил в план работы своего юношеского и детского сектора одно интересное мероприятие — «Поездка на автобусах по Пушкинским точкам».

Быть может, по пушкинским местам? Нет, именно по точкам. Так и написано в плане. Ничего не будет удивительного в том, что за этой экскурсией последуют другие.

Например вылазка на «лермонтовские запяты», поездка на «толстовские двоеточия». А там рукой подать до экспедиции по «леоновским» или «шатинынским восклицательным знакам».

СТИХИЯ ВЫВЕЗЛА

Осторожно ступают посетители Дома техбучения Уралмашзавода и все вверх поглядывают. Не то чтобы эти учащиеся занимались астрономией: они просто опасаются, как бы потолок не обвалился.

Некоторые под ноги себе смотрят, потому что полы тоже обнаруживают склонность к провалу.

Одни начинают нехорошо отзываться о заместителе начальника жилищного комбината тов. Анфимове. Лодырь он, дескать, и не обращает внимания на разрушение здания. Но другие возражают:

— Что вы, что вы! Анфимов, не шаядя мозговых извилин, трудится и изыскивает объективные причины, на которые можно взвалить вину. Сорок дней и сорок ночей напряженно думал он и, наконец, придумал.

— Напрасно, — утешает Анфимов, — тревожиться: трещины являются результатом температурных действий железобетонного каркаса и опасного ничего не представляют.

Вот что называется — участь стихийные обстоятельства. Обнаружишь, скажем, конкретного носителя зла — солнце — и все в порядке. И Анфимову приятно, и солнце не в обиде: во-первых, оно далеко — не достанешь; во-вторых, руками его не схватишь; в-третьих, на солнце все равно имеются пятна. Ну, еще одно пятно прибавится. Подумаешь, беда какая!

Так что ходит себе Анфимов голым, и солнечные блики весело играют на его безмятежной физиономии.

ЛОШАДИ И СТАЖ

Главконсерв задумал обеспечить своих агрономов лошадьми. Начинание, несомненно, похвальное, достойное всяческого поощрения.

Спрашивается: с чего начал Главконсерв? Всех, полагающих, что Главконсерв просто взял и распределил наличный конский состав по заводам и совхозам, просим не беспокоить нас важными и смешными ответами.

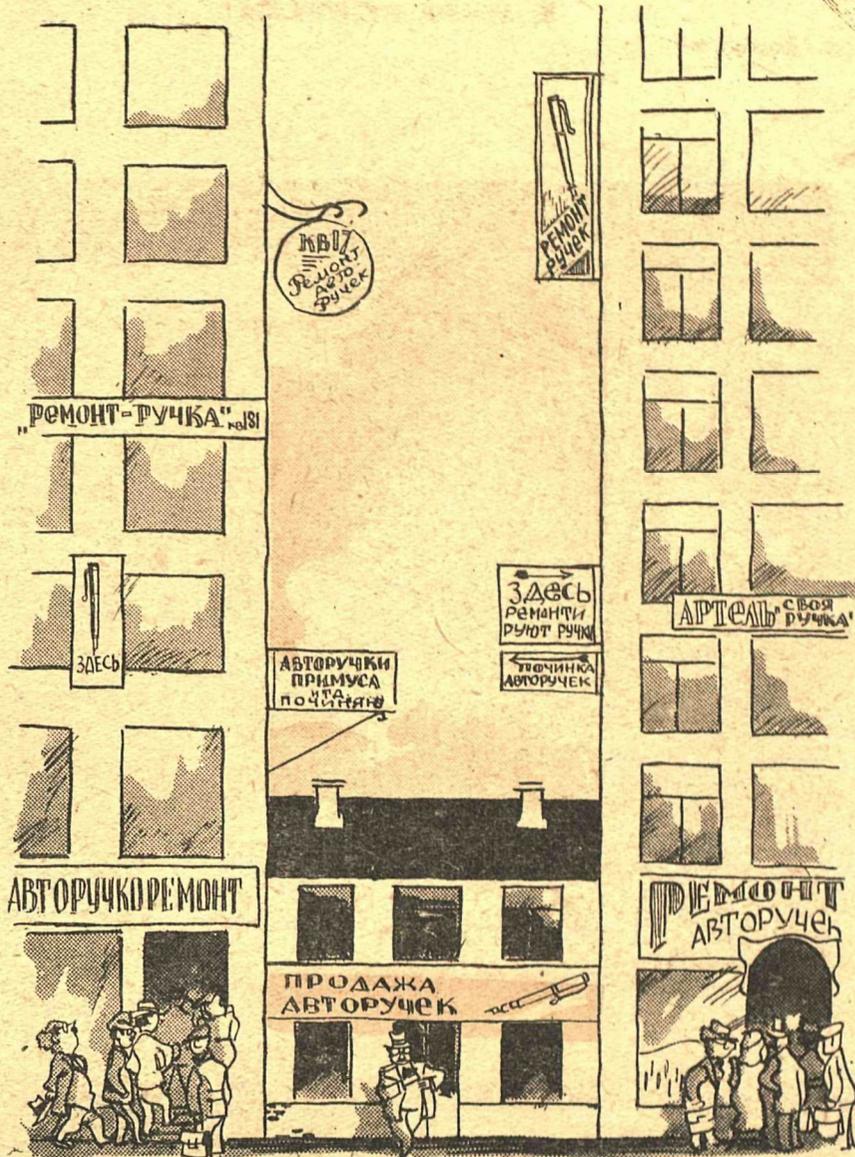
Дело решалось гораздо сложнее. Главконсерв срочно запросил:

«в разрезе отдельных заводов ниже следующие сведения: 1. Фамилия, имя и отчество участкового агронома. 2. Год рождения. 3. Образование (что окончил). 4. Стаж работы по специальности, в том числе на данном заводе».

Крайняя необходимость в получении подобных сведений более чем очевидна: нельзя же, в самом деле, распределять лошадей вслепую! Агрономам, например, в возрасте до 40 лет следует давать щегих лошадей, а которые постарше, пусть получают серых в яблоках. Для агрономов, имеющих законченное высшее образование, должны быть выделены лошади повышенного качества. То же самое и со стажем.

Одним словом, скажи мне, кто ты, и я скажу, каков твой конь.

Всякое дело надо делать с умом! То-то, товарищи!..

Мы предполагали снабдить этот рисунок пространной подписью о плохом качестве авторучек, о том, что на каждую точку, торгующую ручками, приходится десяток точек, ремонтирующих таковые, а также о том что...

Увы, все это написать не удалось, так как наша авторучка как раз испортилась и ее пришлось отдать в очередную ремонт.

НЕПОГРЕШИМЫЙ АПАЕВ

Хорошо сказано у Маяковского: «Моя милиция меня бережет». Раз это «моя милиция», следовательно, всякий имеет право ее критиковать.

Иного мнения начальник Салаирского отделения милиции, Новосибирской области, Апаев. Гражданка Кравченко из Днепропетровска просила Салаирское отделение милиции произвести розыск своего внука, работавшего на приисках. Трижды писала она в салаирскую милицию, но ответа не получала. Тогда отправила она еще одну открытку, где в четвертый раз просила ответить о судьбе своего внука или хотя бы подтвердить получение ее прежних заявлений.

«Надеюсь, — писала она, — что советские понятия о чуткости и внимательности к человеку имеют место и в Вашем аппарате. Не верится, что Ваш аппарат работает не по-советски».

Только после этого пришел ответ:

«Рассуждать о работе аппарата в открытом письме могут только классово-враждебные элементы РКМ. Начальник отделения РКМ Апаев».

Крепко сказано. Не рассуждать! Значит, и на собрании нельзя вас критиковать, товарищи

Апаев? И в журнале, может, про вас запрещено печатать? А мы посмели... Простите нас, грешных.

ИСПРАВЛЯЕМ ОШИБКУ

Товарищ Моисеев вступил во временное исполнение должности начальника дистанции пути. Об этом знаменательном событии врид ПЧ-8 Моисеев оповестил специальной почтограммой все организации города Бикина, Хабаровской области.

О вступлении в оперативное командование дистанцией пути товарищ Моисеев сообщил всем, всем: в горком партии, начальнику политотдела, горсовету, участковому прокурору, парткому узла, начальнику отделения милиции, инспектору охраны труда, ДН-3, ТН-3, НЧ-4, ТЧ-5, ВЧ-3, ДС-Бикин, ИЖЧ-4, УРВ-3, Учмед-3; Учасн-3, ДНМ-3, РТПП-3, ОН-3, стрелковой охране, райкому союза, всем ПД, заведующему гаражом, заведующему подсобным цехом.

Никого не позабыл врид ПЧ-8 Моисеев. Одно только упустил Моисеев: по самому смыслу почтотелеграммы следовало бы в первую очередь известить Крокодил о своем высоком назначении. Охотно исправляем невольное упущение.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградских шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-56; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

Москва, Изд. № 613.

Слача текста и рисунков 22/V 1940 г.

Подписано к печати 3/V 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зи. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А-28889. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1845. Тираж 271 000 экз.

